

Юлия ВОЗНЕСЕНСКАЯ: Россия, 2005. — 2 ноября. — С. 14

Самое главное — правильно войти в камеру

Беседовал Павел Евдокимов

Тот, кто читал произведения этой, на первый взгляд, хрупкой женщины, подтвердит: они оставляют неизгладимое впечатление, к ним хочется возвращаться. За ними буквально охотятся — и ждут появления новых. Многие люди меняют отношение к православной вере после прочтения «Моих посмертных приключений» и двух книг, написанных Юлией Вознесенской в стиле православного фэнтези: «Пути Кассандры...» и «Паломничество Ланселота». Мы живем в трудное время, когда все вроде бы разрешено и дозволено. И вот на курсах повышения квалификации педагогов маститые профессора рекомендуют больше обращать внимание детей на «Гарри П.».

Одна на льдине

Нашим детям прививается модель жизни и поведения маленького колдуна. Однако и этому теперь есть противодействие — книги Юлии Вознесенской из серии про Юлианну, или, как шутят некоторые, «наш ответ Гарри Поттеру».

«Мечеть Парижской Богоматери»

— Вы слышали о такой писательнице, Елене Чудиновой? — начала разговор Юлия Николаевна.

— Честно говоря, нет.

— Елена Чудинова тоже работает в жанре фэнтези, кроме того, в жанре исторической литературы. Она написала книгу для детей «История Англии в рассказах», художественную книгу о Белой гвардии — «Держатель знака». Кстати, очень интересную. Это было лет 16 назад, сейчас ее будут переиздавать. Потом она писала православное фэнтези. А сейчас — книгу о зверствах французской революции. Там была целая мануфактура по изготовлению костюмов из человеческой кожи.

— Что, был спрос?

— И еще какой! Весь Конвент в этом ходил, это была такая мода — лосины из человеческой кожи. А женские волосы... эти чепчики, оказываются, носили не для того, чтобы топор в причёске застревал, как мы всегда думали, а для того, чтобы не портить материал для париков... К чему я веду? Только что вышла ее книга «Мечеть Парижской Богоматери, или 2048 год». Действие происходит в исламистском Париже. Там действует последняя Катакомбная католическая церковь. Это старокатолики.

— Это те, что наиболее близки к православию?

— Да. Они у нее там и сохранились. И поскольку какой-то существенный отпор нанесли торжеству радикального ислама уже невозможно, то можно нанести урон только духовный. И кончается тем, что отбивают собор Парижской Богоматери, ставят баррикады на всех шести мостах, чтобы продержаться до 12 часов, до конца литургии. Последний священник ведет последнюю службу в этом соборе, который перед этим освятили заново, после чего собор взрывают. Священник и героиня остаются внутри. Сильная книга.

— Я слышал, что ее появление сопровождалось скандалом.

— Прошел слух, и на прошлой Международной книжной ярмарке, еще год назад,

Елену спросили, что за книгу она пишет. Та рассказала идею. Тут же ей хотели присудить премию «Абзац» — за худшую книгу года, «привыкшую к национальной розне». Не получилось, поскольку «Абзац» — премия за плохую полиграфию или плохой перевод. Блистательная зовавшись открывшейся возможностью, мы пригласили ее в редакцию газеты «Россия».

— Скажите, а корректен ли сам термин «православное фэнтези»?

— Вполне. Надо сказать, мы с Николаем Блохиным первые додумались до этого. Вернее, он написал первую православную сказку «Бабушкины стекла». Написал еще в камере. Кажется, в 83-м году. Потом его выпустили по «смешной амнистии», но он посидел все-таки, успел. Христианские фэнтези были до меня. Прежде всего, это Льюис, его блистательные фэнтези. Это и «Письма Баламута», и все три космические трилогии, и «Хроники Нарнии». Но сам Льюис считал христианской книгой знаете что? «Властелин колец» Толкиена. Хотя о христианстве там нигде не упоминается.

— Существует такая точка зрения: сейчас, когда все вроде бы дозволено, искреннего поиска Бога стало меньше, нежели это было при большевиках. На ваш взгляд, когда его, этого поиска, было больше?

— Сейчас, конечно, тут и говорить нечего. Понимаете, есть такая вещь, как общее дыхание, атмосфера. В 30-е годы страна, несмотря на репрессии, все равно дышала коммунизмом, и все это чувствовали. Не только вожди и агитаторы делали свое дело, но только официальные лозунги и пропаганда или пропагандистская литература. Это было в содержании частушек, тех же анекдотов. Россия, точнее то, что от нее осталось, тогда являлась действительно коммунистической страной, а все остальное ушло в подполье, в том числе православие. Оно, в сущности, было либо в катакомбах, либо на кресте. Потому что существование официальной Церкви — это крестозаживление, это крест заживо. Я, кстати, очень почитаю патриархов того времени, несмотря на то что они говорили неправду. Они не признавали, что на Соловках кто-то погиб, что Церковь преследуется. Да, они вынуждены были говорить так. Но они так спасали Церковь.

— Вы были сосланы в Воркуту, чтобы прорваться на судебный процесс над своими товарищами, бежали. Как вам это удалось?

— Взяла, потихонечку пробралась на станцию, там девочки, с которыми я познакомилась в ссылке, шахтерки (я жила в шахтерском общежитии), — они купили мне билет. Тогда же паспортов не проверяли, и я тихонечко на верхней полке, так и доехала. В Петербурге дернула меня появиться в одном доме, куда пришел мой друг — поэт, которого я очень любила. Поэт действительно хороший, называть не буду. Пришел он и увидел мое пальто. А пальтишко было какое-то такое запоминающееся, он и запомнил. Тут его вызывают в КГБ: «Вознесенская бежала из ссылки. Где она может быть?» Он сказал: «Она там-то».

— Прямо-таки фатальное стечение обстоятельств.

— Да. Он признался мне в этом через 15 или 20 лет. Ну не приспособлен поэт играть в игры с КГБ, и вообще — не его это дело. И не наше это было вообще дело. Сейчас бы я этим ни за что бы не стала заниматься, — такими шутками. Короче говоря, не удалось мне прорваться на процесс. Меня взяли на той квартире у подружки.

— А когда выпустили?

— Вышла я из лагеря в 1979 году. Села в 76-м.

— То есть ссылку за побег заменили на лагерь?

— А там, в лагере, вам приходилось драться?

— Один раз, чтобы защитить заведомую сексотку. Но это уже было чисто личное. Ее хотели просто добить, а я работала в это время на стройке. Строили школу и больницу. На втором этаже делали кладку, а женщины использовали на подсобных работах. Меня поставили с этой сексоткой к носилкам. Вы представляете, что такое таскать носилки, когда в тую пару кидают сверху кирпичи? До обеда я дотерпела. Во время перерыва сказала: «Ну вот что, вы — крысы. Вы

Да. Это место под Иркутском называлась Бозой, лагерь там был с 30-го года — когда его населяли раскулаченные. Политическая я была там одна-единственная. И первая. Это был уголовный лагерь. А после меня туда стали посылать и других.

— Скажите, как вас встретили эзчики?

— Я была хорошо подготовлена. Пока сидела в Воркуте, полгода, я там подружилась со вторым политическим соратником ссыльным, Евгением Пашниным. Он занимался христианским сопротивлением. Евгений к тому времени уже 20 лет отсидел, он меня и подготовил. «Самое главное, — говорил он, — правильно войти в камеру. Как ты войдешь, так ты и сидеть будешь».

— И что надо было сделать?

— Независимость, никакой бравады, ни одного слова первой, и потом — полное достоинство, принципиальность, так чтобы войти в категорию «один на льдине». И самое главное — сразу наладить правильные отношения с паханами и шестерками. Знаете, в чем оно заключается? Не в том, чтобы иметь с ними хорошие отношения, а в том, чтобы дать отпор сразу. Дать отпор — будешь сидеть хорошо.

— Вам это удалось?

— Не сразу. Труднее было с блатарями. Вот это самое страшное. Блатари среди женщин и мужчин — это полностью отморозенные персонажи, которые и воровскому-то закону не подчиняются; они непрогнозируемы. Теперь их все больше и больше.

— А там, в лагере, вам приходилось драться?

— Один раз, чтобы защитить заведомую сексотку. Но это уже было чисто личное. Ее хотели просто добить, а я работала в это время на стройке. Строили школу и больницу. На втором этаже делали кладку, а женщины использовали на подсобных работах. Меня поставили с этой сексоткой к носилкам. Вы представляете, что такое таскать носилки, когда в тую пару кидают сверху кирпичи? До обеда я дотерпела. Во время перерыва сказала: «Ну вот что, вы — крысы. Вы

стая крыс. Вы не можете разобрататься по-настоящему, один на один». — «А с ней чего один за нее?» — «Да, встану». И встала. Против меня выпустили здоровую такую рыжую девку... Да стыдно рассказывать. Ну, это все вообще не по нашей теме, это, так скажем, из серии «мои университеты». Ну, короче говоря, дрались. Пришлось драться.

...Через некоторое время пребывания в лагере ко мне пришли какие-то совершенно незнакомые эзчики и сказали: «Мы знаем, ты верующая, расскажи нам про своего Христа». Ну, я им про «своего» Христа рассказывала.

Аромат монашества

— В своих романах вы рассказываете о деятельности катакомбных христиан во время прихода Антихриста. Здесь, естественно, сказано и ваш личный опыт. Но ведь ваши книги являются и своего рода подсказкой на будущее? Вы делали это осмысленно?

— Да. Не сдаваться. А каким образом это будет... Это не моя подсказка, это, извините, подсказка Спасителя. Помните, «уходите в горы, в пропасти земные...» И потом, самое главное то, что святые отцы говорили: останется малое слово, и только Верой можно будет спастись. Значит, надо было придумать, а в какой форме эта часть христианства может существовать? Единственная форма — уход от мира Антихриста, не бороться с ним, а уходить.

— Глядя на то, что происходит вокруг, некоторые люди просто впадают в уныние, и здесь как раз ваши книги показывают: даже в такой ситуации не надо отчаиваться.

— Надо помнить, что нас ждет торжество и радость. Ради тех минут, быть может, мгновений — мы не знаем, сколько будет длиться приход Спасителя и вообще Суд Божий, у меня в книге это часы — вот ради них мы и должны выдерживать, ради них надо спастись. «Господь выселяет своих деятелей на нивы подобрать все до последнего колоска. Все, что можно спасти и сохранить, все должно быть спасено...»

— Читая ваши книги, чувствуете — их пишет человек, знающий женское монашество изнутри. Откуда у вас такое знание?

— Во-первых, это моя великая любовь к монашеству. Знаете, кто был мой первый знакомый монах? Нынешний архиепископ Марк Германский, который и есть мускул и двигатель, основной носитель мысли и харизмы объединения Русской Православной Церкви. Русский православный немец. Он из Берлина, бежал оттуда через стену, и вот он, вопреки тогдашнему митрополиту Виталию, начинает движение за воссоединение с Церковью на родине. У него первого я исповедовалась, он первый меня причастил на чужбине, и он был моим первым духовником. И первым монахом, которого я увидела.

— Где это было?

— В крохотном монастырьке в Висбадене. Он помещался в маленьком доме для священников при Свято-Елизаветинском храме, на горе Нероберг. Когда я туда приехала, впервые попала на настоящую монашескую службу, причем такого крепкого афонского, что ли, устава... Владыка Марк вообще на Афоне учился монашествовать. (Кстати, его рукополагали в Леснинской обители, там, где потом происходит действие в «Кассандре»). И когда я это увидела, я поняла аромат монашества. Выражение «аромат православия» — это не мое выражение, а Серафима Роуза. Он говорил, что есть такая непостижимая вещь, необъяснимая — аромат православия. Харизма православия. Так же точно есть харизма монашества. Это что-то такое, что просто потрясает до мозга костей. Это когда ты впервые попадаешь в атмосферу самой нормальной из всех возможных видов жизни на земле. Понимаете, из всех видов существования самый нормальный, самый близкий к райскому — это монашеский.

Мне довелось много поездить по монастырям, увидеть множество обителей, получить множество друзей-монахов и духовную мать-наставницу — матушку Афанасию в Леснинском монастыре. Я в этом монастыре прожила пять лет.

— А где он расположен?

— Это Нормандия, во Франции. У меня там домик стоит.

— Так это домик «бабушки Елены» из «Кассандры»?

— Он самый. Моя жизнь в православии — это просто какое-то невероятное, потрясающее приключение, которое меня удивляет. Это не я творю приключение, это приключение со мной творится, понимаете? Кто там творит, не знаю. Может, моя прабабушка-игуменя, которую в 30-х годах загубили, убили...

— Как ее звали?

— Игуменя София. Она жила в одном из новгородских монастырей, в каком именно — не знаю, их было восемь. Молитвенники, священники у нас были в роду. То есть кто-то за меня крепко-крепко молился, чтобы из богемы вытащить, из дурной политики, и в православие закинуть. Так что без православия я жить не смогу... просто жизнь среди монашества — это то, что я так люблю. И только один человек в России мог об этом писать так, что я поняла, — это Ницус. И когда я прочитала его книги, уже на Западе, подумала: вот оно, мое! А сама я не готова для монашества... Я могу свою собственную душу погубить просто потому, что строги рамки монашества. И высота молитвы, которая должна быть достигнута в монашестве, — все это моей младенческой душе недоступно. Силенки не те. Слишком много душевых сил было отложено на тому. Монашеству надо учиться с юности или жить в миру как монах. У меня этого не было. У меня была просто любовь взахлеб, и все.

Я долго верила, что у меня получится, даже монахи обманывались. А вот когда я поехала в Оптину и увидела домик Ницуса, я перед ним, наверное, час стояла, чуть не плача от зависти: вот моя жизнь! Но мне тоже повезло: у меня тоже дом под забором. Одна из моих многих шуточек была такая: «У матушки есть схимницы, послушницы, трудницы и одна подзаборница».

— Под забором? Этим часто бываете?

— В последние годы не очень часто: болеет моя старенькая мама, которая живет с моим братом в Питере, и лето теперь я каждый год провожу с мамой на даче, в деревне Ирновка, неподалеку от Ладого. На два «заграничных путешествия» зачастую не хватает ни денег, ни сил. Но в начале октября, впервые после долгого четырехлетнего перерыва, я снова побывала в Лесне, на празднике 120-летия основания Леснинской обители. Радости было! Книжки мои в Лесне любят. Меня усадили за стол, положили стопки моих книг и велели паломникам автографы писать.

Там много перемен, одни ушли, другие пришли... Новые послушницы из России... Умер владыка архиепископ Серафим, живший при Леснинском монастыре на покое, умерла старая монахиня мать Ангелина. А одна из моих любимых монахинь мать Ольга лежит в параличе и непрестанно молится: на первый взгляд — на постели лежит, а приглядись — на кресте. Но Лесна прекрасна по-прежнему.

Наш ответ Гарри Поттеру

— Над чем вы сейчас работаете?

— Сейчас пишу третью часть «Юлианны» — «Юлианна, или Игра в дочку-мачехи». Это последний бой, надеюсь. Уже настолько мне омерзительны те силы, с которыми я там все время воюю... пишу и топшнит. Особенно во второй части, очень уж противно было описывать... Господи, как эта бедная Роулинг пишет своего Поттера? Этот мир, он такой мерзкий — мир колдунов, экстрасенсов... Вы не читали вторую часть «Юлианны»?

— Нет.

— «Юлианна, или Опасные игры». Русская девочка, православная, попадает в запад-

скую школу колдовства. Такой вот... наш ответ Гарри Поттеру. Моя цель была — защитить детей от романтизации колдовства, от этих страшных и опасных игр. Мне и Гарри Поттера пришлось читать и перечитывать, и другие книги на эту тему, и на сайты эти колдовские ходить. Короче, читать всякую дрянь вылить до «Молота ведем». Ну, в общем, входить в материал. Это было очень тяжело. А сейчас я поставила себе последнюю, третью задачу — расправиться с этими же силами здесь, в России. Чтобы дети, во-первых, бежали от них как от огня, а во-вторых, смеялись бы над ними.

— А это главное, потому что смех — мощное оружие.

— Знаете, кто у меня самый ненавистный среди всей этой банды? Грабовой. Человек, который «воскрешал» погибших в Беслане детей. Вы знаете эту мерзость? Мой сегодняшний духовник — наш батюшка в Берлине, отец Андрей Сикоев. Он осетин, и сразу после событий в Беслане поехал туда. У него самого двое детей-сирот усыновлено из России. Такой горячий характер, истово верующий человек. И вот он сказал очень важную вещь: «Отцы должны отказаться от мести, чтобы не рисковать возможностью встречи с детьми-мучениками. Потому что отец-мститель обрушивает мост... этот узкий мостик через ущелье, по которому он может потом пройти навстречу сыну. Или даже сейчас с ним общаться в молитве».

— А Грабовой?

— Да, значит, этот сукин сын. Он, правда, Грабовой, не Гробовой, слышите одинаково: можно ли с такой фамилией говорить: «Я воскрешу ваших детей»? А игра в Христа — это и есть Антихрист.

«Матушка моя...»

— Вы довольны тем, как складывается ваша творческая биография?

— Очень, очень и очень! Я не ожидала такого счастья. Когда я писала первую книгу, было трудно, это был мучительный период — создание моих «Посмертных приключений». Но я должна была написать, потому что моя матушка Афанасия меня благословила; это была игуменя на покое в Леснинском монастыре, а я была при ней — она, можно сказать, на руках у меня умерла. Исключая то, что в самый момент смерти я не была при ней — монахи всегда умирают в одиночку.

В последние свои земные дни матушка совершенно спокорно (она же монахиня) говорила: «Я, конечно, праздник не буду портить сестрам, а после Успения — сразу. Чувствую, что после Успения. Я просила Господа, чтобы мне не портить, не омрачать праздник». Так и вышло — после Успения, на второй день. Она говорит, еще бы денег, чтобы отдохнули все. Потому что праздник — это всегда очень тяжелое время для монахинь: нагрузки очень большие из-за паломников.

Вообще монашеская смерть — это такое чудо, это университет смерти, академия смерти... Если видишь, как умирает монах, после этого никак страхи смерти в принципе не остаются. Матушку хоронили, а я стояла и улыбалась, представляете? Потому что в это время ее чувствовала перед собой живой, здоровой и счастливой. Такой сияющей. Я чувствовала, что это самый торжественный момент ее жизни. Матушка моя... Она меня благословила написать, ей обещала... Бросила писать и год не возвращалась к книге. Через год только вернулась к ней. А перед этим меня Божья Матерь и Господь помиловали: у меня был диагноз «рак»: операция сделали, и оказалось — нету рака. Хотя я, и врач, и мои друзья, все думали, что он все-таки был. Вымолили. Конечно, и сама молилась — научилась немощно.

И сразу после этого, в состоянии депрессии от пережитого, я поняла, что это каким-то образом связано с тем, что я не выполняю матушкиного благословения. Надо садиться и писать. Я села и быстро дописала книгу.

Наша справка

Вознесенская Юлия Николаевна (р. в Ленинграде 14 сентября 1940 года) — русская писательница. Автор самиздата. В 1960–1970 годах активно участвовала в неофициальной культурной жизни Ленинграда. Соредактор самиздатских сборников «Лепта», «Мера времени» и журналов «Часть» и «Женщина и Россия». Подвергалась административным преследованиям. В 1976 году осуждена за «клевету на советский строй» на четыре года ссылки в Воркуту. Бежала, чтобы прорваться на процесс своих товарищей. Вновь арестована, четыре года ссылки были заменены двумя годами лагерей (Иркутская область).

В 1980 году отправлена в эмиграцию в Германию. В 1996–1999 годах жила в Леснинской женской обители Пресвятой Богородицы во

Франции (РПЦЗ, Нормандия). В это время по благословению ныне покойной игуменьи Афанасии была написана повесть-приключения «Моисей», образно повествовавшая о том, что ждет человека после смерти. С 2002 года проживает в Берлине.

За произведения «Моисей» и «Путь Кассандры...» в 2003 году получила звание «Лучший автор года» на Всероссийском конкурсе «Православная книга России». Лауреат ежегодного конкурса произведений для детей и юношества «Алые Паруса» в номинации «Проза» за книгу «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами». Автор популярной в России и за ее пределами книги «Паломничество Ланселота», «Юлианна, или Игра в киднепинг», «Юлианна, или Опасные игры» и других.